

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ

В.А. Бачинин

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Мир права представляет собой самоорганизующуюся систему, которая способна сама себя строить и структурировать. Субъектам правотворчества важно учитывать тенденции ее саморазвития, чтобы воздействовать в такт с ними и тем самым породить резонансные эффекты. Точно рассчитанные, эти воздействия на систему способны помочь ей развернуть все богатство скрытых в ней, но до сих пор не реализованных возможностей. Принципы синергетики предписывают социальным субъектам в ходе их правотворческой деятельности выводить правовую систему на собственные линии развития, отвечающие как ее природе, так и характеру того социума, внутри которого она существует.

Социология права является достаточно молодой научной дисциплиной: у нее за плечами не слишком длинная история всего лишь в полтора столетия. Правда, у нее имеется солидная предыстория, насчитывающая почти двадцать пять веков времен Платона и Аристотеля. На той, предварительной стадии развития, которую можно назвать эмбриональной, ее идеи и принципы складывались внутри социально-философских и правоведческих теорий. И по сей день философия и правоведение остаются для социологии права тем началом, с которым она продолжает поддерживать тесные контакты, заимствуя как методологические наработки, идеи, принципы, так и обширную, уже теоретически обработанную социальную и антропологическую фактографию.

Современная правовая социология, располагающая обширным методологическим инструментарием, не может пройти мимо тех теоретичес-

ких разработок, которые появились благодаря такому, сравнительно новому, сложившемуся во второй половине XX в. научному направлению, как синергетика. Это связано в первую очередь с тем, что в социальных объектах со сложным содержанием традиционная для позитивной социологии механистическая модель причинности имеет ограниченное поле приложения. Явления социального мира находятся за тем порогом сложности, где обнаруживается недостаточность линейно-каузальных объяснительных моделей и необходимы дополнительные познавательные усилия. В полной мере это относится и к правовой криминальной проблематике.

Разработки в области синергетики, ее принципы и подходы примечательны тем, что имеют междисциплинарное, практически универсальное методологическое значение в рамках позитивного знания. Они позволяют выстраивать новые объяснительные модели естественных, социальных, культурных процессов, изучаемых и естественными, и социогуманитарными науками. Многообещающие перспективы расширяются благодаря синергетике как перед общей социологией с правоведением, так и перед социологией права.

Основным предметом исследований для синергетики выступают процессы самоорганизации в сложных, открытых, неравновесных объектах-системах. Ее интересуют два типа трансформаций, через которые проходят все сложные системы, в том числе социальные: а) переходы от хаоса к порядку (процессы возникновения новых форм); б) переходы от порядка к хаосу (деструктивные процессы распада систем).

Отдельные идеи, в которых присутствует как бы предчувствие синергетики, издавна встречались в самых разных памятниках мировой культуры. Их можно обнаружить в «Дао Дэ-Цзин», у Лейбница и Вольтера, Гете и Достоевского, Шпенглера и Юнга. Но только во второй половине XX в. они обрели вид самостоятельной теории.

Успехи современной синергетики в значительной степени связаны с именами лауреата Нобелевской премии И. Пригожина (Брюссель), Г. Хакена, Г. Николиса, которым удалось свести множество идей, догадок, предположений о нелинейном характере причинности в единую методологическую концепцию-парадигму.

Отнюдь не случайным является то обстоятельство, что синергетика сформировалась как самостоятельное научное направление именно во второй половине XX в. Ее конституирование произошло на историческом излете эпохи модерна. Позади остались эпоха классики с ее приверженностью всем формам порядка и эпоха модерна с причастностью всем возможным формам хаоса. К середине XX столетия сложились и полностью обозначились и «тезис», и «антитезис», образовав распростертую в историческом времени и социальном пространстве социокультурную антиномию. Сосредоточенность научной мысли на этом проблемном плацдарме и привела к тому, что интеллектуальные средства и добытые с их помощью идеи начали обретать все более четкие контуры, пока не обозначились формы и пропорции новой дисциплины, синергетики. То есть в определенном смысле синергетика явилась продуктом,

произведенным рефлексией над социально-историческим опытом двух успешных полностью выговориться эпох — классики и модерна.

Активно применяющаяся по отношению к физическим, химическим и биологическим объектам, синергетика имеет большое будущее в области социальных наук. Не нашедшая до сих пор приложения в юриспруденции, социологии права, криминологии, синергетика ждет своего часа, когда те, кто причастен к изучению социально-правовой реальности, обратят на нее свое внимание и захотят использовать ее богатый эвристический потенциал в своих исследованиях.

Синергетическая методология познания представляет собой комплекс исследовательских программ, приемов, инструментальных средств, позволяющих увидеть социальную реальность в новом ракурсе. Необходимо лишь суметь адаптировать идеи и принципы синергетики к специфическим нуждам социологии, совместить языки этих двух дисциплин, верно очертить общее для них проблемное пространство.

Синергетика как масштабная научная парадигма в сфере социологии права позволяет свести воедино множество имеющихся теоретических наработок, пребывающих на сегодняшний день либо в разрозненном состоянии, либо же систематизированных с опорой на произвольно выбранные основания. Она дает возможность выстраивать достаточно продуктивные рабочие модели наличных знаний, обладающие высокой степени обобщенности.

Множество традиционных социологических проблем обретают в результате синергетической транскрипции новые оттенки. Обнаруживаются какие грани, ракурсы, повороты, которые в пределах собственно социологического инструментария объявились бы еще не скоро.

В свете синергетической методологии рождаются следующие понятия-концепты, существенно изменяющие традиционные взгляды на социально-правовую реальность.

Во-первых, право предстает как открытая система, способная обмениваться веществом, энергией и информацией с окружающей средой (принцип метаболизма). Каждый элемент такой системы имеет достаточно степеней свободы для своего развития и самовыражения, не нарушающих целостности всей системы.

Во-вторых, право оказывается подчиненным принципам нелинейного развития, предполагающим, что открытая система имеет перед собой множество разнообразных, в том числе альтернативных, путей-возможностей эволюционных изменений.

В-третьих, правовая система обнаруживает такое свойство, как диссипация, то есть способность либо рассеивать все лишнее, чужое и ненужное, либо же превращать его в компоненты своего собственного содержания путем переструктурирования и трансформирования. Случайные факторы, накладываясь на не случайные предпосылки, играют роль причин, рассеивающих одни структуры и способствующих созданию других. При этом возникающие время от времени хаотические состояния обнаруживают свою способность служить необходимым условием создания новых структур.

В-четвертых, правовая система в целом и входящие в ее состав подсистемы получают возможность рассматриваться как диссипативные структуры, существующие за счет регулярных сбросов вовне накапливающегося балласта избыточной энтропии. К этому балласту могут относиться всевозможные «обломки» уже распавшихся структур, деструктивная энергия локальных очагов «возмущающего поведения», элементы, деятельность которых превратилась из функциональной в дисфункциональную, — т.е. все то, что находится в беспорядочном состоянии вредных социальных «отходов», непригодных для использования. За счет таких сбросов энтропии во внешнюю среду система поддерживает свою внутреннюю упорядоченность и уравновешенность.

Самым масштабным образцом такой диссипативной структуры может служить государство как социальная система. Логика процесса диссипации помогает объяснить, зачем государствам необходимы периодические войны и борьба с внутренними врагами социального порядка — преступниками, мятежниками, сепаратистами и т.п. Это помогает им освободиться от накапливающегося энтропийного балласта, динамизировать социальную жизнь, интегрировать отдельные социальные подсистемы в дееспособное, эффективно функционирующее целое и тем самым поддерживать необходимую степень общей жизнеспособности всего социального организма.

В-пятых, возникает необходимость и возможность исследовать особое состояние социально-правовых систем, называемое бифуркацией и означающее пребывание системы на перепутье, в точке разветвления различных вариантов вероятного будущего развития. Находиться в точке бифуркации — значит пребывать в крайне шатком, неустойчивом положении, когда любая случайность способна увлечь систему в ту или иную сторону. Роль случайности при этом может быть как конструктивной, так и деструктивной. Под ее влиянием система может двинуться либо по пути укрепления своих структур, либо же начать сползать к состоянию распада и хаоса. Но в любом случае в зоне бифуркации роль случайностей резко возрастает. Она становится необычайно велика по своим последствиям: малая, почти ничтожная на «входе», она может оказаться гигантской на «выходе».

Будущее объекта, находящегося в точке бифуркации, непредсказуемо. Это отчасти напоминает то, как в шахматной партии после каждого хода возникает множество вариантов дальнейшего развития игры. Только в интервалах между ближайшими точками бифуркации, когда события детерминируются как случайными, так и необходимыми факторами, их ход поддается прогнозированию.

Для человека и социальных систем, подчиняющихся не только стихийным причинам, но и сознательным вмешательствам, значительная часть их состояний имеет явные признаки бифуркационности. Интеллектуальный фактор может в любой момент вмешаться и изменить ход событий. Поэтому в социальной жизни всегда есть место таким экстраординарным событиям, как подвиги и преступления.

Зоны бифуркации существуют не только в социальных пространствах общественных систем, но и в духовном (психологическом, нравственном, экзистенциальном) пространстве внутреннего мира социального субъекта, носителя морально-правового сознания, будь то личность, социальная группа или целая страна. Особенности пребывания в таких зонах знакомы каждому, кто когда-либо находился в критическом состоянии мучительных колебаний, требовавшем принципиального выбора, принятия решения и соответствующих духовно-практических усилий для выхода из кризиса.

В-шестых, возникает необходимость социально-правовой и одновременно антропосоциологической транскрипции концепта аттрактора, означающего совокупность условий, заставляющих разные элементы двигаться по разным, сближающимся, сходящимся траекториям и в итоге оказываться в одной общей точке. Своеобразной моделью зоны-аттрактора синергетики считают образ воронки, внутри которой элементы-песчинки скользят вниз разными путями, но в итоге вовлеченности в общее движение сходятся в «горловине». Любая частица, попав в зону-аттрактор, вовлекается в общее движение. Если это индивид, то, попав в водоворот событий, он, несмотря на всю присущую ему духовную автономию, утрачивает значительную долю своей способности к свободным волеизъявлениям, а также обнаруживает, что большая часть результатов его, казалось бы, свободно принимаемых решений в конечном счете оказывается далекой от его замыслов и целей.

Здесь же следует упомянуть и понятие «странного аттрактора», характеризующее состояние непредсказуемости случайных блужданий элемента-частицы в каждый отдельно взятый момент и вместе с тем предопределенность того, что частица, находясь в зоне аттрактора, в итоге неизбежно окажется в «горловине воронки». Если речь идет о социальных субъектах, то аттрактор выступает по отношению к ним как сила, втягивающая их в будущее определенного характера и притягивающая это вероятное будущее к ним.

Синергетика выявляет общие механизмы самоорганизации физических, биологических и социальных систем. В ее глазах мир — единый Универсум с общими для всех законами, подчиняющийся единым принципам.

Синергетическая модель причинности учитывает, что у сложных систем всегда имеются альтернативные возможности для деятельности и развития. Систему, находящуюся в точке бифуркации, можно направить в требуемое русло, если применять по отношению к ней легкие, но непременно резонансные внешние воздействия. Они способны вывести систему на новый уровень самоорганизации.

Если же внешние воздействия не попадают в такт с собственными тенденциями саморазвития социальной системы и ее подсистем, то последние начинают бунтовать, становятся инициаторами стихийных возмущений, не поддающихся контролю.

Синергетической детерминации присущ целый ряд характерных особенностей. Во-первых, она имеет вид нелинейной, полифакторной, гете-

рогенной причинной зависимости. Во-вторых, она отводит случайности одну из главных ролей в причинных объяснениях событий и позволяет рассматривать мир как синергетическое целое, где все связано и вместе с тем пребывает в динамике непрерывных внутренних столкновений одних элементов с другими и где случайные причины разрушают одни структуры и создают другие. В-третьих, сферой действия синергетической детерминации является реальность, распаханная вовне, открытая во всех направлениях и имеющая своим символом, как любят говорить специалисты по синергетике, танцующего бога Шиву, готового в равной мере и созидать и разрушать и потому непредсказуемого.

Цивилизованное общество в качестве относительно устойчивой системы-структуры пребывает в состоянии, когда энтропия в нем непрерывно нарастает. Постоянно возникающие диссипации и дериваты, то есть микрохаосы и функциональные отклонения грозят ему серьезными разрушениями. Чтобы этого не произошло, необходимы встречные, превентивные усилия антиэнтропийного характера. Социум располагает возможностями и средствами для применения таких усилий. В этом отношении право является одним из наиболее важных социальных механизмов такого рода, прямое предназначение которого состоит в борьбе с угрозой социального беспорядка, в противодействии нарастанию энтропии и воцарению хаоса. Оно позволяет цивилизационному организму существовать в качестве самоорганизующейся, саморегулирующейся системы.

Логика и социодинамика процесса самоорганизации имеют несколько характерных признаков. Во-первых, это возникновение общей упорядоченности, охватывающей всю систему в целом. Во-вторых, это относительная однотипность поведения абсолютного большинства элементов системы. В-третьих, это последующее вхождение системы в зону бифуркации, когда нарушается былая внутренняя уравновешенность, воцаряется беспорядок, происходит смешение всего и вся и в итоге становится очевидной победа только одной из огромного разнообразия тех возможностей, которые нес в себе социальный хаос.

Во всех случаях процесс самоорганизации социальной системы несет в себе две тенденции. Первая — это устремленность к равновесию и закрытости, установка на отторжение всего, что грозит поколебать это равновесие. Вторая — бегство системы от монотонного, непродуктивного равновесия и закрытости.

Люди с присущим им стремлением во все вникать и во все вмешиваться всегда стремились активно влиять на эту синергетическую социодинамику. Так, например, характерное, проходящее красной нитью сквозь века внимание мыслителей к договорным теориям общественного жизнеустройства есть ни что иное, как проявление интуитивно ощущаемого «предсинергетического» мировосприятия. Любые инициативы договорного характера выступают составными компонентами процесса самоорганизации социальной системы, когда она в целях самосохранения находит внутри себя резервы для своевременного принятия конструктивных решений.

Право является открытой системой, находящейся в отношениях активного информационного взаимодействия с социумом и способной к самоорганизации. Важная роль в развитии и функционировании права принадлежит интеллектуальному фактору, способному радикально изменять логику существования правовой системы.

Поскольку у права как самоорганизующейся системы имеется множество путей вероятного развития, субъекты, представляющие интеллектуально-управленческий фактор, должны уметь выявлять из всего реестра возможностей наиболее оптимальные. При этом в их действиях должно присутствовать отчетливое сознание тех пределов, за черту которых управленческие воздействия не должны распространяться. Если человеку не все дозволено, он не в состоянии изобрести вечный двигатель или выстроить Вавилонскую башню, то ему не следует растрачивать на это силы и средства. В правотворчестве такой сферой, куда должна вторгаться правовая регламентация, является пространство свободы индивидуального экзистенциально-этического самоопределения, где издавна и вполне успешно осуществляют свою нормативно-регулятивную деятельность нравственность, религия и метафизика.

Являясь самоорганизующейся системой, социально-правовая реальность способна сама себя строить и структурировать. И субъектам правотворчества важно учитывать тенденции ее саморазвития, чтобы воздействовать в такт с ними и тем самым порождать резонансные эффекты. Точно рассчитанные, резонансные воздействия на систему дадут наибольшую результативность, позволят ей развернуть все богатство скрытых до того возможностей.

Принципы синергетики предписывают социальным субъектам в ходе правотворческой деятельности выводить правовую систему на собственные линии развития, отвечающие как ее природе, так и характеру того социума, внутри которого она существует.

В глазах традиционного сознания с его линейно-каузальным мышлением «маленькие причины» случайного характера выглядят несущественными. Но синергетическое мировидение относится к ним иначе. Французский социолог-правовед Ж. Карбонье писал о таких малых, случайных причинах, которые в процессе развития римского права играли роль пусковых механизмов, активизировавших правотворческую деятельность: «Законы Лициния, установившие, что один из избираемых консулов должен быть плебей, были бы, конечно, невозможны, если бы плебеи к тому времени не стали восходящим классом. Но, не проявись банальная зависть и ревность двух сестер, может быть, этих законов и не было бы. Побудительные мотивы злостного преступления одного молодого македонца вели к ростовщикам, и, не будь этого преступления, возможно, в Риме не был издан сенатус-консультус против ростовщичества. Получается, что для того, чтобы право появилось на свет, нужен скандал. Эти "маленькие причины" любили подчеркивать Тит Ливий и Вольтер. По сравнению с теми значительными историческими сдвигами, которые следовали за этими "маленькими причинами", сами они столь ничтожны

и анекдотичны, носят столь личностный характер, что не могут быть объектом детерминистского подхода» [1, с. 290].

Ж. Карбонье не прав в своем последнем замечании, поскольку именно случайные, мелкие причины стали главным предметом синергетических исследований. Малые по своим начальным масштабам, но грандиозные по следствиям, порождаемым ими, они не могли вечно оставаться за пределами научного изучения. И показательно, что отдельные несоответствия чьих-то действий общественным стереотипам и ожиданиям становились причинами, порождавшими нормотворческие импульсы. Это придавало «малым причинам» иной вид и заставляло относиться к ним с должной мерой серьезности.

В один ряд с упомянутыми в «Юридической социологии» Ж. Карбонье Титом Ливием и Вольтером следует поставить и Лейбница. В своей работе «О предопределенности» немецкий мыслитель утверждал, что человеческий рассудок не в состоянии предвидеть и прогнозировать события, поскольку в роли причин, способных изменить характер обстоятельств, могут выступать многие совершенно случайные вещи. Так, маленькая мушка способна вызвать большие перемены в государственной жизни, если она летает перед носом короля в момент принятия важного решения, когда королевский рассудок пребывает в положении колеблющихся весов.

Когда случайные факторы накладывались на неслучайные предпосылки и совместные действия совпадали с динамическими качествами всей правовой системы, они становились для нее определяющими и даже судьбоносными.

Право, как любая система, складывается под воздействием двух разнохарактерных, однонаправленных процессов самоорганизации. Первый — это положительная обратная связь со средой, позволяющая праву усложнять и совершенствовать свои структуры и одновременно устранять все чужеродное, избыточное. Второй — это отрицательная обратная связь права с социальной средой, способствующая упрощению его структур и нарастанию хаотичности. Постоянное противодействие этих двух противоположных тенденций формирует и «обтачивает» систему права, придает ей необходимую структурную конфигурацию и структурную устойчивость.

Синергетическое мировидение позволяет обратить внимание на такую особенность социально-правовой реальности, как бесчисленное множество неконтролируемых и непрогнозируемых неопределенностей. Именно они способны выступать в роли случайных факторов, чьи воздействия на события и обстоятельства, казалось бы, неподвластны, в силу их непредсказуемости, механизмам тотальной регламентации. Синергетика неопровержимо доказывает, что мечты об обществе, которое было бы полностью подконтрольно властям и существовало бы исключительно в русле однозначных управленческих воздействий, — утопические иллюзии. Но поскольку тотальный контроль и абсолютный социальный порядок в принципе невозможны и локальные ареалы свободы

всегда будут существовать в различных социальных «нишах», то можно предполагать, что в этих не контролируемых законом «нишах» будут существовать и очаги не только слабых девиаций, но и масштабных проявлений аномии, включая преступность в ее различных формах.

Синергетический подход заставляет социолога взглянуть на нормативно-ценностную реальность сквозь призму категориальной антитезы «порядок-хаос». Правда, в данном случае эти две категории обретают более частный вид понятий социального порядка и социального хаоса. При этом порядок обычно связывают с наличием устойчивых законов и закономерностей, а хаос — с преобладанием непредсказуемых случайностей.

В свете антитезы порядка и хаоса социум предстает как целое, внутри которого сосуществуют, активно взаимодействуя и противодействуя друг другу, бастионы структур правопорядка и очаги социального возмущения. Последние распространяют вокруг себя беспорядок в самых разных видах, начиная с сравнительно безобидных нарушений норм этикета и вплоть до чудовищных уголовных и политических преступлений, повергающих общественность в смятение и ужас.

Эти две противоположные социальные сферы не отделены друг от друга сколь-нибудь явным барьером. Напротив, они активно контактируют, напоминая не два рядом расположенных мира, не два материка и даже не два сообщающихся между собой сосуда, хотя социальная энергия и социальная информация и перетекают из одной сферы в другую. Порядок и беспорядок — это, скорее, два модуса единого социального тела, два разных присущих ему состояния. А это означает, что в принципе невозможно отсечь и уничтожить все очаги беспорядка, оставив лишь то, что отвечает критериям цивилизованного социального порядка.

Оба состояния, порядка и хаоса, организованности и дезорганизованности — способны чередоваться, попеременно сменять друг друга. Эти смены могут иметь пульсирующий маятниковый или волновой характер.

По удивительной закономерности, ввергающей в изумление непосвященных, порядок и беспорядок нужны друг другу. Никому не под силу развести их в разные углы вселенского ринга. В силах людей лишь выявить приемлемую меру соотношения между ними и стараться поддерживать ее при помощи соответствующих цивилизационных, нормативно-регулятивных средств.

Синергетическое видение заставляет социологию в целом и социологию права, в частности, постоянно держать в одном ряду два типа проблем, связанных с социальным порядком и со всем тем, что противодействует его утверждению, т.е. разнообразные проявления аномии, дисномии, девиаций, деликтов, преступности, государственного неправа и т.д.

Обычно в книгах по социологии и праву эти две проблемные сферы предстают в непропорциональном соотношении с явным доминированием внимания к социальным формам стабильного социального порядка. С позиций же синергетики противоположности права и неправа, закона и беззакония, номоса и аномии, правопорядка и преступности

оказываются в одном ряду, в одной системе методологических координат.

Продуктивность синергетического подхода к социальной реальности очевидна. Современная эпоха, в силу ее переходного характера, весьма благоприятна для поиска и апробаций новых подходов к универсальной антитезе порядка и хаоса и к стоящим за ней вечным оппозициям добра и зла, добродетели и порока, законопослушания и вседозволенности.

Синергетическая теория несет в себе, кроме всего прочего, весьма характерный социально-этический смысл. Она представляет собой, по сути, довольно грустную теорию, ибо полностью развенчивает все остатки иллюзий о возможности «земного рая», «царства божьего» или «коммунистического благоденствия» с абсолютным порядком, добродетельным человечеством и всеобщим, безоблачным счастьем. Жизнь в природе и обществе была, есть и всегда будет сценой драматических противоборств сил порядка и хаоса, традиционно именуемых силами добра и зла. То, что в прошлом выглядело лишь как мрачные предположения и жуткие констатации в стиле Эмпедокла-Бёме-Шопенгауэра (безысходность вечной космической борьбы сил Вражды и Любви; готовность мира в любой момент сорваться в темную бездну; всевластие злой Мировой Воли над индивидами и государствами), синергетика в XX в. перевела на язык позитивных знаний, дополнив новыми, вполне научными аргументами.

Все разнообразие видов и форм социального беспорядка восходит к онтологической универсалии хаоса. Хаос представляет собой отсутствие малейших признаков порядка, т.е. состояние рассеянности структур, разрозненности элементов, отсутствие каких-либо форм, соподчиненностей, иерархий. К категории хаоса восходят такие понятия, как энтропия, аномия, катастрофа, катаклизм, социальный взрыв, обозначающие различные грани и аспекты распада социальных структур, когда в атмосфере тотальной деструкции из того, что происходит, исчезают признаки всякой логики. Вместе с тем хаос — не аномальное, а вполне закономерное, естественное состояние, типичное для всех социальных систем. Он периодически настигает практически каждую систему. И эта неизбежность делает его скорее правилом, чем исключением в социальной жизни индивидов и сообществ.

Н. Макиавелли в своей «Истории Флоренции» писал о том, что логика непрерывных превращений заставляет государство периодически переходить от состояния порядка к беспорядку, а затем назад. При этом всегда обнаруживаются предел подъема, выше которого невозможно подняться, и предел упадка-беспорядка, ниже которого опускаться уже некуда. В этих критических точках движение государства и общества радикально меняет свое направление на противоположное и устремляется либо вверх к добру и благу, либо вниз к злу-

Согласно второму началу термодинамики или закону возрастания энтропии, все самопроизвольные процессы во Вселенной однонаправлены и сопровождаются разрушением упорядоченных структур, рассеиванием энергии в пространстве. В основе любого происходящего изменения скрыты

возможности распада и хаоса, которые не имеют ни причин, ни целей, обеспечивая лишь непрерывное движение. В этом движении возможны различные направления, выбор которых диктуется случайностями.

Социальная энтропия — это динамика распада объективных и субъективных нормативно-ценностных структур, сопровождающаяся ослаблением или полной атрофией их социализирующих и регулятивных функций. В качестве возможности энтропия всегда присутствует в любой из социальных систем. Но активные, целенаправленные цивилизующие усилия индивидов, общностей, социума и его институтов не позволяют этой возможности переходить в действительность в полном объеме. Лишь в отдельные исторические моменты, при стечении целого ряда особых обстоятельств энтропийный процесс может охватить всю социальную систему. В подобных условиях начинается обвальное, лавинообразное разрушение существующих социокультурных структур — религиозных и воспитательных институтов, семейных связей, моральных и правовых.

Социальная диссоциация как распад целостностей государства, общества, цивилизационной системы, повсеместные разрывы скреплявших их связей ведут к тому, что гигантское социальное «тело» начинает как бы заживо разлагаться. Изменения внешних условий начинают происходить с такой скоростью, что абсолютное большинство людей не успевают адаптироваться к ним и многие как бы выпадают из привычных социальных ячеек, что неизменно ведет к разрушению поведенческих стереотипов, падению нравов и росту преступности. Когда в России процесс перестройки вышел из-под контроля и начал обретать все признаки социальной катастрофы, то за первое пятилетие 1990-х гг. преступность возросла в 2,3 раза, а число тяжких преступлений, связанных с убийствами, увеличилось в 3 раза.

В условиях неконтролируемой энтропии дезорганизационные процессы повсеместно переходят в деструктивные, которые оказывают на человеческое поведение не социализирующее, а преимущественно десоциализирующее, биологизирующее воздействие. Дремлющие в глубинах человеческого подсознания агрессивные начала, прежде успешно блокировавшиеся цивилизационными нормативными структурами, теперь, когда последние оказываются полуразрушенными, становятся бесконтрольными и активно заявляют о себе множеством разнообразных эксцессов имморального и противоправного характера. Множество людей оказываются ввергнутыми в экстремальные условия, чреватые для них моральными деформациями, экзистенциальными катастрофами, страданиями, духовной физической гибелью. Обнаруживаются три основных типа катастрофических разрушений:

1) цивилизационная катастрофа — распад основных социальных институтов (экономических, правовых, политических и др.), составлявших «костяк», остов всего социального «тела» локальной цивилизации;

2) культурная катастрофа — разрушение основополагающих нормативно-ценностных начал духовного, религиозного, нравственного харак-

тера, придававших человеческому общежитию гуманистическую оформленность;

3) антропологическая катастрофа — негативные мутации в самом типе человеческой личности, деформации в психике, мышлении, заставляющие говорить о нисхождении человека на более низкую ступень социокультурного развития.

Понятие аномии обозначает одну из социальных модификаций онтологемы хаоса. Аномия может носить первичный характер и представлять собой доправовое состояние с полным отсутствием порядка и «войной всех против всех». Но она же способна обнаруживать себя как исторически переходное кризисно-катастрофическое состояние общественных и личностных структур при сменах социально-нормативных систем.

В зависимости от площади социальных пространств, охваченных деструктивными процессами, аномия может быть либо очаговой, либо тотальной. После оставшегося в прошлом разгула сил хаоса в любой социальной системе всегда продолжают сохраняться остаточные, периферийные виды аномии, пребывающие в многочисленных социальных «нишах» общественной системы.

Очаговая аномия, в отличие от тотальной, составляет неотъемлемую принадлежность любой общественной системы на протяжении всей истории ее существования. Очаги беспорядка необходимы системе для поддержания ее же собственной жизнеспособности. Это объясняется тем, что полная, тотальная однородность и абсолютная упорядоченность делают систему хрупкой, понижают ее сопротивляемость перед внешними деструктивными воздействиями. Наличие же очагов аномии с характерными для них множествами разнообразных девиаций образует широкое пространство социальной свободы для активных действий и энергичного самоутверждения социальных субъектов. Именно эти очаги оказываются теми местами, где возникают нестандартные жизненные модели, различные свежие находки и социальные новации.

Отчего государство, его институты, органы власти всегда с опаской взирают на свободу и ее различные проявления? Ответ состоит в том, что они ощущают прямую связь между свободой и аномией. Они чувствуют, что свобода — это одна из ипостасей хаоса, что она способна вести к распаду социальных структур, что она всегда несет в себе возможность перехода во вседозволенность.

Очаговая аномия — это форма сохранения «ниш» свободы даже в самых «закрытых» системах, где блоки социальных институтов предельно плотно пригнаны друг к другу. Чем жестче и тотальнее социальный контроль, тем интенсивнее протекает аномийное существование внутри этих «ниш».

Важная роль в сохранении таких очагов принадлежит гражданскому обществу. Одна из его задач в том и состоит, чтобы поддерживать существование подобных очагов, оберегать их от уничтожения государственной машиной. Разумеется, это относится к тем очагам, где культивиру-

ются не криминальные формы аномии, т.е. не представляющие опасности для жизни, здоровья и достоинства граждан.

С позиций синергетики аномия представляет собой бифуркационный период в развитии социально-правовой реальности. Нормативно-ценностная система оказывается не просто разомкнутой вовне: оказываются стертыми все ее границы, и ее содержание начинает перемешиваться с содержанием вненормативным, анормативным. Мировое целое как бы всасывает в себя нормативную реальность. Разнообразные социальные вихри разносят ее содержимое и растворяют его во вненормативном мире. В результате от нее ничего не остается, кроме хаоса из остатков форм и обломков структур. Социум сползает на нижележащую ступень, погружаясь из цивилизованного состояния в состояние варварства.

В условиях аномии следствия уже не соответствуют ни причинным воздействиям, ни социальным ожиданиям. Случайности занимают господствующее место, почти вытеснив то, что можно назвать необходимостью и законосообразностью. Система входит в состояние, которое трудно описать в терминах рациональности, ибо она издает не вразумительные членораздельные звуки, а исторгает какой-то устрашающий гул, в котором не прочитывается ничего, кроме метафизических «шума и ярости». Реальность, продолжающая оставаться разумной в своих отдельных частях, утрачивает эту разумность, когда берется как целое.

В нормативно-ценностных структурах образуются роковые разломы, приводящие к тому, что одни морально-правовые регуляторы уже не действуют, а другие, сменяющие их, еще не действуют. Разрушаются все прежние иерархии норм и ценностей, перестают функционировать принципы соподчинения целого и его частей.

Обретает невиданную прежде интенсивность отрицательный, «противоестественный» социальный отбор, в результате которого лучшие из граждан оказываются на социальном «дне» или просто гибнут, а наверх всплывают, обретают богатство и власть худшие из них. Те социальные слои, группы, индивиды, которые в условиях стабильности пребывали на социальной периферии, теперь могут быть вытолкнуты силою обстоятельств и случайных стечений в самый эпицентр событий и оказаться на ключевых ролях в различных сферах и структурах.

В индивидуально-личностном измерении аномия имеет двоякое значение. С одной стороны, аномийное поведение контрадаптивно, то есть направлено против общепринятых стереотипов законопослушного поведения, подчиненного нормам морали и права. С другой стороны, оно адаптивно, поскольку позволяет человеку в условиях общественного кризиса и резкого возрастания степени непредсказуемости социальных событий приспособиться к обстоятельствам, приняв тот же стереотип социально ненормированных действий, чреватых непредсказуемостью и вседозволенностью.

Социальный хаос — это всегда распад, гибель, и потому он трагичен. В нем, в его вихрях и взрывах погибают те, кто вполне мог бы жить в

обстановке порядка и стабильности. Поэтому аномия — это, говоря языком философа Якоба Бёме, истинное «мучение» материи и духа.

Природа хаоса парадоксальна. Будучи тотальной деструкцией, он может быть конструктивен и способен служить чем-то вроде «первоматерии», из которой рождаются вполне упорядоченные формы. Это имел, очевидно, в виду Ницше, когда писал о том, будто нужно носить в себе хаос, чтобы родить танцующую звезду.

Русский философ-правовед Н.Н. Алексеев спрашивал, можно ли применить к хаосу понятие ценности, и отвечал утвердительно. Он полагал, что не следует рассматривать хаос как феномен чисто отрицательный, ибо в этом ощущается близость к истинно беспредельному. Сугубо негативное же отношение к хаосу — это свидетельство некоторой ограниченности и даже духовной слепоты. «Кто бежит хаоса, тот хочет замкнуться в своей ограниченной конечности и оторваться от беспредельного и абсолютного <...> Конечно, — продолжает Н.Н. Алексеев, — при названном толковании хаотическая стихия обнаруживает некоторые положительные признаки, однако, чисто служебного характера. Хаотическое в душе человека ценно постольку, поскольку оно является путем, открывающим доступ к высшим сферам. Никакого значения самостоятельной, самодовлеющей ценности оно не имеет и иметь не может. Неоспоримым достоинством названного средства является его динамический, так сказать, характер. Существо его сводится к погружению в движение противоположностей, к соприкосновению с крайностями, к подъемам и провалам. Путь этот не сулит покоя и отдыха, он есть путь глубокой душевной трагедии» [2, с. 103]. Тот, кто открывает душу воздействиям хаотических сил, способен подняться до высочайшего. «Хаотическое и беспредельное есть стихия различных возможностей, не воплотившихся еще в действительности, не достигших актуализации, это есть неопределенная полнота возможностей — и только» [2, с. 104].

Как и любой хаос, аномия амбивалентна и может проявляться не только в виде деструкции. Она может быть продуктивна и способна нести в себе конструктивный потенциал. Это обнаруживается в способностях системы сбивать собственные запоры, обрушивать все свои прежние границы. Из нее начинает выливаться и вываливаться ее содержимое. Она становится до такой степени открытой, что внешние воздействия получают возможность почти беспрепятственно проникнуть во все образовавшееся пустоты и разломы. То есть открытость былой системы становится абсолютной. Теперь в то, что от нее осталось, начинает вторгаться все, что угодно. Ее обмен остатками вещества, энергии и информации с внешней средой достигает максимальной степени возможного. В итоге аномия позволяет ускоренным темпом возникнуть тем предпосылкам, которые необходимы для переструктурирования социальной реальности и для возникновения новых социальных форм.

В бурно протекающем взаимообмене, среди обломков старых распавшихся систем начинают возникать такие комбинации, которые никогда

бы не образовались в условиях стабильности. Образуется ситуация чуть ли не абсолютного обновления, когда из старого почти ничего не сохраняется в его прежнем состоянии.

Подобная обстановка оказывается максимально благоприятной для всевозможных новаций. И поскольку активно экспериментирует сама жизнь, то люди тоже могут заниматься экспериментированием, так как перед ними открывается социальное пространство свободы несравнимо более обширное, чем в эпохи порядка и стабильности. Эпоха аномии предстает в глазах многих социальных субъектов как пора чуть ли не безграничных возможностей.

Представления о кажущейся отдаленности состояний хаоса и порядка уступают место представлениям о их явной близости. Временами в человеческом сознании эти два состояния сближаются до такой степени, что хаос и порядок начинают чуть ли не отождествляться. В хаосе начинают видеть «сложную и непредсказуемую форму порядка» (Э. Ласло). А в порядке усматривается сравнительно простая и предсказуемая, потенциальная разновидность хаоса.

В условиях аномии скрытая от непосредственного созерцания логика исторических событий напоминает логику движений маятника. Когда достигнуто предельное состояние социального хаоса и дальнейшие разрушения становятся невозможны, остается только одна возможность — устремиться в противоположном направлении и начать возводить из руин новую цивилизационную систему со всеми сопутствующими атрибутами — государственностью, правом, экономикой, культурой и т.д. И в пучине аномии уже постепенно намечаются те будущие возможности, которые спустя некоторое время станут линиями становления и развития новых социальных форм. Так, например, принимающая немислимые ранее масштабы экономическая преступность предстает в эпоху кризиса как одна из стихийных форм перераспределения собственности, а значит, как одно из средств сокрушения старого порядка и установления нового. Более того, преступность как таковая выступает как способ стихийного переструктурирования не только экономических, но и политических, и правовых отношений и институтов.

В вихревых потоках социального хаоса, в столкновениях всего со всем успевает выгореть все лишнее и сохраняется все то основное, что необходимо для генезиса новых структур, форм и систем, что способно сыграть роль их зародышей.

Хаос предстает как процесс и способ разрушения устоявшихся и успевших обветшать структур, как средство расчистки социального пространства и подготовки места для образования уже других, новых социальных структур и формообразований, отличающихся от прежних. В нем есть нечто, сближающее его с тем очистительным огнем, в котором сгорала и в котором из пепла возрождалась легендарная птица Феникс.

Индивиды, пережившие эпоху социального хаоса, вынуждены производить в своем сознании радикальные переоценки ценностей. Их духовные искания резко активизируются. Трагедии, пережитые ими, печальная судьба множества распавшихся на их глазах общественных форм

заставляют их направлять свои усилия в сферу поиска путей их возрождения. А это требует установления обновленных ценностных ориентиров и смысловых координат.

Можно говорить о том, что аномия (в первую очередь локальная) способна выполнять рекреационную функцию. Это давно подмечено древними цивилизациями, практиковавшими периодические ритуальные возвращения в донормативные, докультурные состояния празднично-карнавальных оргий. Подобные состояния играли роль мощных энергетических источников жизнотворческих сил. После того как они оставались позади, социальное поведение людей обретало свою обычную структурную нормативность.

Зачем требовались эти нисхождения в дикость с последующими возвратами на покинутые ступени цивилизованного существования? Причина состояла, очевидно, в том, что нормированное социальное существование, в силу своей искусственности (т.е. буквальной «противоестественности») способно истощать жизненную энергию людей. Поэтому возникает необходимость поиска источников, позволяющих ее восполнить. Одним из них и оказалась очаговая аномия-оргия, локализованная во времени и пространстве, введенная в рамки игрового сценария, полностью обузданная, подчиненная высшей сверхзадаче рекреационного характера и потому лишенная своей разрушительной силы.

Индивиды, оказавшись на некоторое время в «естественном», докультурном, вненормативном состоянии, получали возможность утолить свою глубинную потребность-ностальгию по утраченной первобытной естественности. Они ощущали прилив новых сил позволявших им в дальнейшем спокойно существовать под нормативным гнетом социальных предписаний. Социальность, на какой-то момент растворившаяся в витальной стихии, вновь возрождалась в обновленном, упроченном состоянии.

Несмотря на то, что существует универсальный закон возрастания беспорядка, означающий, что в природе и обществе постоянно действуют дезорганизующие деструктивные силы и что любая вещь несет в себе тенденцию к самораспаду и гибели, энтропийная тенденция не всевластна. Ей противодействует другая тенденция, суть которой в том, что всякая система стремится к самосохранению себя как целостности с внутренне уравновешенной структурой. Принцип динамической сбалансированности внутренних противоположностей, модель их подвижного равновесия (гомеостазиса) столь же универсальны, как и закон возрастания энтропии. Оба они позволяют существовать динамическим структурам.

Поскольку в социуме, как и в природе, действуют разрушительные силы и проявляются энтропийные тенденции, человек заинтересован в том, чтобы иметь эффективные средства противодействия им. На протяжении тысячелетий шел процесс выработки разнообразных социальных форм, призванных помогать людям в противодействии деструктивным началам бытия, способных систематически повышать уровень упорядоченности общественной жизни.

Любая система, стремящаяся к самосохранению, вынуждена приводить себя в отношения динамического равновесия с окружающей ее средой, т.е. адаптироваться к ней и ее требованиям. Процесс адаптации будет выглядеть для нее, во-первых, как деятельность по собственному самоупорядочению, а во-вторых, как усилия по некоторой реорганизации и соответствующему упорядочению тех фрагментов среды, с которыми система взаимодействует. Так, социум в качестве сверхсложной системы должен непременно приспосабливаться к требованиям естественной среды, космоса и самоорганизовываться определенным образом. С этой целью он создает систему искусственных, сверхбиологических средств, играющих роль своеобразного «буфера» между социумом и космосом. Вся совокупность этих средств и обозначается понятием цивилизации. Должным же следствием их успешного функционирования является цивилизованный правопорядок.

Для цивилизационной системы важно поддерживать динамично-равновесную упорядоченность и стабильность социальных отношений. Этому служат такие имеющиеся в ее распоряжении средства, как государство и право. При их непосредственном участии устанавливаются и сохраняются вертикальные отношения социальной иерархии, горизонтальные отношения социального равенства. Первые складываются из системы соподчиненных социальных ролей, из отношений доминирования и подвластности, дисциплины, ответственности и борьбы за первенство. Вторые предполагают не только юридические отношения формального равенства всех граждан государства перед законом, но и разнообразие внеролевых конвенций и внеранговых отношений взаимного уважения, доверия, взаимопомощи, дружбы, любви, взаимовыручки.

И вертикальные, и горизонтальные отношения являются структурообразующими факторами. Различные типы иерархических и координационных связей определяют различные модели порядка. Они систематически понижают меру энтропийности общественной жизни, переводят социальные конфликты в правовой режим цивилизованного сосуществования сторон. Люди создают разнообразные формы кооперирования своих усилий. Координация действий и концентрация сил в нужных направлениях позволяют им достигать поставленных целей.

Право является одним из ведущих нормативно-регулятивных механизмов, обеспечивающих гомеостатическое состояние цивилизационной системы за счет целенаправленного внедрения в нее отношений особого рода. Эти отношения требуют от субъектов готовности к конвенциям и компромиссам, а также взаимной ответственности за выполнение принятых обязательств и заключенных соглашений. Динамика социального равновесия предполагает, что стороны правоотношений выступают не как антагонисты, но как сограждане, уважающие права и свободы друг друга. Правовые нормы зарывают путь перед деструктивным духом вседозволенности, и, напротив, открывают широкий доступ для инициатив конвенционального характера. Такая возможность для конструктивных контактов всегда существует, и коренится она в содержательно-струк-

турных свойствах взаимодействующих сторон, где сходных качеств всегда ничуть не меньше, чем взаимоисключающих. Кроме того, функциональная асимметрия сторон, когда одна способна к тому, к чему не способна другая, располагает к взаимодополняемости усилий при решении задач, имеющих обоюдоважное значение.

В гомеостазисе часто видят оптимальное и даже идеальное состояние общественной системы, при котором разрешились все острые противоречия, погасли социальные конфликты и успели забыться антагонизмы, а уравниновенность интересов разных социальных групп воспринимается большинством как господство справедливости. Экономические, политические, правовые отношения внутри социальной системы, а также отношения с внешним миром достигают устойчивой сбалансированности.

Подобное состояние обладает несомненной продуктивностью. Но эта продуктивность временна, а не постоянна. Гомеостазис дает положительные результаты, если система остается открытой, т.е. активно взаимодействующей с внешним миром, адаптирующейся к его меняющимся требованиям. Если же система избегает контактов с внешним миром и сводит их к минимуму в надежде уберечь свою идентичность и независимость нежелательных с ее точки зрения деформаций, то гомеостазис неизбежно переходит в состояние застоя. А это уже чревато утратой жизнеспособности и самораспадом системы как целостности.

В. Парето сформулировал концепцию развития социальных систем на основе социодинамического принципа попеременной смены равновесных и неравновесных состояний. Согласно его подходу, любая социальная система или подсистема проходит несколько фаз: 1) установление равновесия; 2) утрата равновесия; 3) восстановление равновесия. То есть обнаруживает себя социодинамика маятниковых колебаний между состояниями равновесия и неравновесности, которая имеет все признаки закономерной типовой модели. А из этой модели для правовой социологии следуют важные теоретические и практические выводы. Суть их заключается в том, что правовая система должна иметь в своем распоряжении два эшелона нормативно-регулятивных средств для их попеременного введения в действие. Один из них необходим, когда социальная система пребывает в равновесно-динамичном состоянии. Другой же должен быть наготове и вводиться в действие при переходе к неравновесно-неустойчивому состоянию. Взаимодополняя и подстраховывая друг друга, эти два нормативно-регулятивных механизма способны достаточно долго уберечь общественную систему от губительных срывов в пропасть аномии, поддерживать в ней стабильный правопорядок.

Правопорядок возникает там, где возможно единение многого, согласие разногласного и относительное единообразие различного. Он предполагает такие отношения между социальным целым и его частями, когда стороны, оставаясь противоположностями, тем не менее приходят к отношениям договорного равновесия интересов, обязанностей и прав.

Правопорядок усиленно поддерживается, сохраняет стабильность и надежность в социуме, где люди сознают себя общественными существами, цивилизованными субъектами, где они обладают зрелым правосознанием, способным ценить как свои, так и чужие свободы и права. Равновесие своих и чужих прав и обязанностей сообщает общественному целому оптимальную сбалансированность и жизнестойкость, делает его удобообитаемой социальной средой, где люди обладают разнообразными свободами и умеют пользоваться ими с выгодами для себя и общества в целом. Ради этих выгод и удобств они с готовностью идут на определенные моральные и правовые самоограничения, демонстрируют способность к самодисциплине, уважение к правам и свободам своих контрагентов. Так возникает система динамично-равновесных публичных и частных правоотношений, вносящих в социальное бытие начала структурности. И это не жесткая структурность некоего омертвевшего костяка, а гибкая структурность живого социального организма, открытого для позитивных трансформаций, имеющего высокий коэффициент сопротивляемости различным энтропийным воздействиям внешнего и внутреннего характера.

Человек, находящийся внутри этой системы, чувствует себя достаточно комфортно, чтобы использовать имеющиеся в его распоряжении права и свободы для своей социальной самореализации. Он с готовностью идет на различные соглашения с другими социальными субъектами, зная о существовании правовых гарантий, обеспечивающих заключенные конвенции.

Литература

1. Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986.
2. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999.